

Первая встреча

Мы впервые встретились с Алексеем Максимовичем Горьким в 1891 году в старом Нижнем-Новгороде.

В жизни старого города в этот год произошло событие, всколыхнувшее местный обывательский муравейник: проворовалось правление местного дворянского банка.

Выяснился ряд обычных дворянских, мошеннических проделок: двойные ссуды, растраты, хищения. Вся дворянская голетка, начиная от предводителя, оказалась замешанной в этом деле. Директор банка Памютин, помимо преступлений по банку, обвинялся еще в поджоге своего винокуренного завода для получения пожарного вознаграждения по повышенной оценке. Страх перед позорным судебным разоблачением побудил Памютина ускорить жизненные расчеты: в тюрьме он отравился.

Уход со сцены главаря-виновника, как бы облегчил развязку этого скандального дела. Правительство ассигновало дворянству целый миллион для расчета с вкладчиками. Получая без задержки деньги, последние успокоились. Новая правительственная комиссия занялась подсчетом дворянского имущественного актива и назначением в продажу имений, владельцы которых прекратили платежи по просроченным ссудам. Началась еще более смелая ликвидация дворянского землевладения, переход обесцененных имений в другие, более крепкие руки, главным образом, купеческие.

В ликвидационной работе банка принимал участие нижегородский юрист-адвокат А. И. Ланин, от имени и по поручению которого в банк ходил его

М. ГОРЬКИЙ (Нижегородский период 1898—99 год).

письмоводитель, обращавший на себя внимание служащих своим костюмом, угловатыми манерами и какой-то замкнутостью. «Письмоводитель Ланина», как его прозвали в банке, был высокий, худощавый молодой человек, широкий в плечах, казавшийся несколько сутуловатым. Одет он был почти всегда в черную блузу, подпоясанную кожаным с серебряными насечками поясом; черные брюки были заправлены за голенища высоких сапог... Этот оригинальный костюм завершался черной, длинной крылаткой и широкополой черной шляпой.

Ожидая председателя банка, которому нужно было передать для подписи заготовленные бумаги «письмоводитель Ланина» спокойно, почти всегда в одной и той же позе, стоял присло-

жившись к шкафу с банковскими планами.

Говорил он мало. Стоя у шкафа, он изредка крутил левой рукой рыжеватые небольшие усы, как бы пожевывая их. Длинные темно-русые волосы-космы, спускавшиеся прядями на небольшой лоб, он откидывал той же левой рукой назад, проводя по ним растопыренными пальцами, как гребенкой.

Несмотря на угловатость и сутулость «письмоводитель» отличался стройностью, особой стройностью молодости, физической мощи и силы.

Это был Алексей Максимович Пешков.

Совершенно случайно, в той же самой комнате занимался автор настоящих воспоминаний, в то время мелкий служащий — банковский мальчик. Чуть не ежедневные встречи сблизили молодёжь, при чем «письмоводитель», как-то незаметно, но быстро вошел в курс жизни банковской мелкоты, живо интересуясь злобами этой жизни. В числе этих злоб и наиболее острых было всегдашнее издевательство над служащими банка — толстого, грубого человека из бывших семинаристов секретаря банка Румянцев (так звали этого секретаря) измывался, главным образом, над безответной, зависимой мелкотой.

«Письмоводитель» являлся в банк около половины дня.

— Ну как? — интересовался он, дружески здороваясь.

Ответ один и тот же:

— Вчера опять штормяга был. Всем досталось, ну, а мне, конечно, больше всех: сижу как раз напротив.

— А знаете что, — как-то особенно серьезно говорит молодой Пешков, —

я бы на вашем месте поступил иначе.

Серые глаза «письмоводителя» сделавшись как бы больше, засветились, вернее, загорелись, рыжеватый ус закрутился под быстрыми пальцами.

Я бы взял эту чернильницу и запустил ее в подлую, толстую рожу Румянцева.

Совет «письмоводителя» был буквально выполнен в ближайшее время, чуть ли не на другой день.

Большая чернильница в физиономию Румянцева не попала, но за то чернилами были обильно залиты и стол с банковскими бумагами, и накрахмаленная грудь, и манжеты секретарской рубашки, и его светлый костюм.

Виновник скандала разрыдался. Вышнее начальство, зная, вероятно, о подвигах секретаря, постаралось погасить скандал домашними средствами, встав как бы на сторону юного скандалиста: его даже не уволили, а перевели в другое отделение.

Но он на службе в банке не остался и ушел... скитаться.

В ту же весну ушел из Нижнего и «письмоводитель Ланина», направляясь на юг...

Весной 1895 года в старый Нижний вернулся молодой человек, умудренный до некоторой степени жизненным опытом. Через год, также весной, сюда в Нижний, приехал из Самары Алексей Максимович Пешков, уже популярный писатель, известный читающей публике под именем Максима Горького. В редакции молодой провинциальной газеты возобновилось знакомство, перешедшее в дружбу.

Начался исторический «нижегородский период», длившийся семь лет.

Ф. П. ХИТРОВСКИЙ.